

А. М. Курьшов
*Байкальский государственный университет
экономики и права,
г. Иркутск, Российская Федерация*

КУЛЬТУРА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У ЗАПАДНЫХ БУРЯТ: ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ИХ ЗНАЧИМОСТЬ

Аннотация. Рассматривается соотношение факторов распространения земледельческой традиции у западных бурят: природно-географического, этнического, факторов внешнего влияния. Делается вывод об обусловленности комплексного характера традиционного хозяйства коренного населения Предбайкалья его природно-географическими условиями и о возрастании значения внешних факторов развития земледелия у западных бурят (традиций русского населения, политики Российской империи) в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова. История Прибайкалья, Предбайкалье, западные буряты, традиционное хозяйство, история земледелия.

A. M. Kuryshov
*Baikal State University of Economics and Law,
Irkutsk, Russian Federation*

WESTERN BURYATS' FARMING CULTURE: FACTORS OF DISSEMINATION AND THEIR SIGNIFICANCE

Abstract. Author analyzes the correlation factors in the spread of agricultural tradition among the Western Buryats: natural-geographic, ethnic, factors of external influence. It is concluded that the complex nature of the traditional economy of Western Buryats due to natural and geographical conditions of Cisbaikalia and the impor-

tance of external factors in the development of agriculture (traditions of the Russian population, the policy of the Russian Empire) increases in the XVIII–XIX centuries.

Keywords. History of the Baikal region, Cisbaikalia, Western Buryats, traditional economy, history of agriculture.

Вопрос о развитии земледелия у бурят привлекал внимание исследователей еще в XVIII столетии и не перестает волновать ученые умы сегодня. Интерес к проблеме давно перешагнул рамки чисто научные и теоретические, поскольку, в том числе, от ее решения зависят интерпретации многих процессов, имеющих для бурят значение политическое и культурное. К ним относятся происхождение и расселение бурятских этнических групп, русская колонизация бурятских земель, политика российского правительства по отношению к бурятскому населению в имперский период и др.

Историография вопроса развития бурятского земледелия насчитывает многие десятки, если не сотни работ. Само изучение этих работ уже превратилось в научную проблему [4]. Общепринятым считается мнение, что буряты (главным образом западные (иркутские), т. е. буряты *Предбайкалья*) перешли к земледелию в XVIII–XIX вв. под влиянием хозяйственных традиций русского населения и колонизаторской политики российского правительства, ограничивающего бурятское землепользование, что делало невозможным развитие исключительно скотоводства, требующего введения в хозяйственный оборот значительно большего (сравнительно с земледелием) количества земельных угодий. При этом признается, что зачатки земледелия у бурят существовали и до прихода в Восточную Сибирь русских. Для середины XIX столетия большинство исследователей выделяют два типа бурятского хозяйства. В то время как западные буряты являлись преимущественно земледельцами, восточные (забайкальские) буряты оставались скотоводами.

Не подвергая сомнению эти тезисы в целом, попытаемся разобраться в факторах распространения у западных бурят земледельческой традиции (особенно интенсивного в XIX в.). В связи с этим придется ответить на два вопроса: 1) как связана традиция земледелия с местом проживания западных бурят; 2) как связана традиция земледелия с самими западными бурятами. Первый вопрос, в свою очередь, подразумевает определение нашего отношения к двум проблемам: 1) в какой степени земледельческая традиция связана с географическими особенностями Предбайкалья, определяющими способ природопользования местного населения; 2) какую роль в распространении земледелия среди населения Предбайкалья играла политика государственных образований, в состав которых оно входило в разные исторические эпохи. Второй вопрос также распадается на две проблемы: 1) какое место традиция земледелия (если она была) занимала в этнических группах, составивших основу бурятского населения Предбайкалья, и 2) в какой степени традиция земледелия у западных бурят зависела от влияния этнических групп, входивших в контакт с ними.

Отвечая на первый из поставленных вопросов, необходимо охарактеризовать географические условия Предбайкалья в связи с возможностью и удобностью ведения здесь земледельческого хозяйства. А они отличаются большим разнообразием и далеки от идеальных. Разнообразие природно-климатических условий региона обусловлено, главным образом, расчлененностью рельефа, а также климатическими особенностями (влияние сибирского антициклона, значительное распространение многолетней мерзлоты, недостаточная теплообеспеченность) [3, с. 22]. Черноземы, крайне важные для успешного земледелия, в регионе чередуются с лесными почвами, причем они характерны для древних террас, а на водоразделах

не встречаются. Самые продуктивные почвы Предбайкалья располагаются как раз там, где до прихода русских жили буряты — вдоль предгорий Восточного Саяна, в Тулуно-Иркутской лесостепи, вдоль речных долин Ангары, Оки, Ии, Куды, Осы, в верховьях Лены. Содержание гумуса в здешних почвах может достигать 50 % [1, с. 25] (в среднем по Восточной Сибири — 4–9 % [17]). С другой стороны, важная черта почв Предбайкалья, (в особенности Южного) — «сосредоточенность основных запасов органического вещества в верхней части профиля, что связано с местными особенностями почвообразования, а именно, поверхностным распространением корневых систем растений, сосредоточением основной их массы в небольшом по мощности слое почвы, а также, небольшой подвижностью гумуса в условиях слабой промачиваемости почв» [3, с. 26]. В этих условиях при распашке агрономические свойства почв ухудшаются, поскольку гумус перемешивается с нижними слоями почвы или вымывается. Также на пашне снижаются запасы азота. «В целом, антропогенное воздействие сопровождается нарушением сложившихся связей почв, их экологических функций и проявляется в некомпенсированности биологического круговорота, механическом перемешивании почвенной массы, что приводит к утрате важнейшего свойства почвы — плодородия» [3, с. 27]. Иными словами, чем интенсивнее распашка почвы, тем хуже ее свойства.

Климат Предбайкалья также не очень благоприятствует земледелию. Конечно, легендарные сибирские морозы — это штамп, но: теплое время года продолжается всего 85–100 дней в году; безморозный период лишь чуть короче вегетационного периода, что неблагоприятно сказывается на росте и развитии растений; суточные и сезонные колебания температур очень резки, обычны поздние весенние и ранние осенние заморозки; осадки сезонно и территориаль-

но выпадают очень неравномерно. Если принять биоклиматический потенциал юга Европейской России (Краснодар) за 1,0, то в Западной Европе он составляет 1,8, в США (Калифорния) – 2,5, в Восточной Сибири – 0,52–0,54 [15].

Таким образом, несмотря на то, что согласно археологическим и этнографическим данным земледелие в Предбайкалье известно с бронзового века, оно всегда было *пригодно, но не слишком удобно* для земледелия. Местное население всегда занималось земледелием, но оно не было ни единственным, ни, по-видимому, даже основным способом природопользования, являясь частью комплексного скотоводческо-земледельческо-охотничьего хозяйства. С точки зрения агрогеографии, в Предбайкалье земледелие было возможно лишь в экстенсивной форме, когда недостаток качественной почвы и суровые климатические условия нивелировались постоянным освоением пригодных для хлебопашества новых земель. Соотношение площадей пашни и кормовых угодий Предбайкалья (экстенсивность характеризуется их пропорциональностью) демонстрирует правоту этого тезиса. Здесь переход к интенсивному сельскому хозяйству наметился лишь 400–500 лет назад [12, с. 182].

В этих условиях представляется вполне справедливым тезис о государственной политике как важном факторе, способствовавшем распространению в Предбайкалье земледелия. Ее роль ряд исследователей оценивают очень высоко. Д. М. Маншеев прямо связывает степень распространения земледелия среди местного населения с усилиями государственных структур, причем не только в Российской империи, но и в гораздо более ранние периоды – эпохи Тюркского каганата и Монгольской империи [8, с. 17–18]. Какие доказательства этого мы имеем? Известны по археологическим данным согдийские колонии в Байкальском регионе, о которых упоминает и Д. М. Ман-

пеев. Жители этих колоний занимались, в том числе, и земледелием. Однако в Предбайкалье к таковым можно отнести лишь Унгинское поселение [19, с. 306]. Большинство современных исследователей хотя и признают жителей Унгинского поселения выходцами из Средней Азии, все же датируют предметы, найденные в поселении, XII–XIV вв. [13, с. 140]. При описании сельскохозяйственной составляющей курумчинской культуры (отождествляемой с курыканами) используются данные по тому же Унгинскому поселению [5, с. 293]. Население других пунктов, связываемых с курыканами, было скотоводческим. Памятники, относящиеся к концу XI–XII вв. и более позднему времени, сегодня соотносятся со скотоводческим населением (по-видимому, тюркского происхождения) и выделяются в усть-галькинскую культуру [13, с. 146]. Н. Н. Козьмин считал, что переход к кочевому скотоводству в Центральной Азии был регрессом по отношению к господствующему ранее в регионе земледелию, и двигателем этого регресса были монголы Чингис-хана. «То, что случилось с каштарами (качинцами) в большом масштабе и на более значительной территории происходило за полтысячелетие до этого в Центральной Азии, в Присяянье и на Алтае. Перевес получали всюду кочевники и скотоводы. Земледелие забрасывалось, сохраняясь в разных углах Присяянья лишь в виде абыльной разработки земли и посевов проса, кырлыка и еще реже других злаков» [7, с. 137]. Даже если такой регресс имел место, он не коснулся Предбайкалья, — с вовлечением его в сферу Монгольской империи хозяйственная жизнь усть-галькинских скотоводов и унгинских земледельцев изменилась мало [13, с. 139]. Все это, однако, не исключает возможного косвенного влияния тюрков, а также наследовавших им в Центральной Азии уйгуров, кыргызов, киданей, монголов на развитие земледелия в Предбайкалье, но вряд ли оно было осознанным. На примере Унгин-

ского поселения видно, что земледелие ограничивалось отдельными пунктами и не распространялось широко среди окрестного населения, кроме того, оно не было единственным занятием, а являлось частью комплексного хозяйства.

Русские, начав освоение Восточной Сибири, встречают земледелие у бурят в виде посевов проса (в частности, просовые посевы зафиксированы в 1658 г. у *унгинских* бурят) [14, с. 291]. Тунгусы даже меняли у соседних бурят соболей на просо и гречиху [14, с. 265]. То есть до прихода русских западным бурятам было знакомо земледелие, но развиваться интенсивно оно начинает лишь с этого времени. Насколько велика была в этом заслуга государственной власти? Мы не видим специальных усилий государства, направленных на распространение земледелия у бурят до начала XIX в. Государственные власти, обеспокоенные нехваткой хлеба в регионе, проводили некоторые меры (например, предоставляли служилым людям пахотный надел вместо хлебного оклада), но лишь в отношении русского населения. Можно говорить только о создании неких условий, которые способствовали переходу бурят к земледелию, но условия эти имели очень опосредованную природу. Скажем, санкционированное властями массовое заселение русскими Сибири, приводило к более тесным контактам последних с бурятами.

Лишь в период губернаторства в Иркутске Н. И. Трескина (1806–1819) начинается целенаправленная поддержка распространения у бурят земледелия, вследствие чего, как говорится в отчете Трескина за 1812 г., скотоводство у большей части «братских» приходит в упадок, так что можно считать его «ничего не значащим»¹. После отставки Трескина государственная поддержка «иностранческого» земледелия

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 164.

прекратилась, власти сосредоточились на торговой политике, которая также способствовала распространению среди бурят хлебопашества, но опосредованно («все перекупщики и монополисты» в торговле хлебом устранены «совершенно», что создало благоприятные условия для развития земледелия¹), на что и указывал знаменитый восточносибирский генерал-губернатор Н. Н. Муравьев в своем пояснении к отчету о состоянии Восточной Сибири в 1848 г., пеня местному начальству, что то в течение 30 лет после Трескина, занимаясь торговлей, «мало внимания уделяло распространению среди инородцев земледелия»². Последовательная политика местных властей на поддержание земледелия у «инородцев» (создание хлебных магазинов, помощь семенами и кормами и т. д.) привела к увеличению темпов его развития. Так, в 1827 г. иркутские «кочующие инородцы» (к которым относилось подавляющее число западных бурят) засеивали 30 714,75 десятин³, в 1851 г. — 111 667⁴, а в 1889 г. — уже 333 036,7 [9, прил. IV, с. 18-20; 10, с. 60-61]. На рубеже XIX–XX столетий «инородческое» земледелие на территории Иркутской губернии получило дополнительный стимул к интенсификации «благодаря» сокращению землепользования вследствие проводимой правительством реформы сибирского землеустройства.

Таким образом, вмешательство государства в процессы развития бурятского земледелия в Предбайкалье начинает ощущаться лишь в XIX в. До этого мы можем говорить лишь о возможном косвенном влиянии государственных институтов на поддержку традиции хлебопашества в регионе. В целом приходится признать, что земледельческая традиция в Предбай-

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 714. Л. 106.

² Там же. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 152. Л. 63–63об.

³ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 715. Л. 163–164, 167об.

⁴ Там же. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 138. Л. 133об.

калье имеет древнюю историю, однако она до прихода в Сибирь русских никогда не являлась основой регионального хозяйства, оставаясь таковой лишь для отдельных групп населения в составе их комплексного («синтетического» по определению А. П. Окладникова) хозяйства.

Переходя ко второму из поставленных в начале настоящей работы вопросу, необходимо сразу оговориться, что, по мнению большинства исследователей, буряты являются народом относительно молодым и сложным из различных по происхождению этнических групп (впрочем, как и подавляющее большинство современных народов). Формирование бурятского народа из отдельных этнических групп Прибайкалья началось в конце XVI в., т. е. непосредственно перед приходом в Сибирь русских, а закончилось уже в составе Российской империи. По крайней мере три крупных племенных союза в это время претендовали на гегемонию в Предбайкалье — булагаты (долины Ангары и ее притоков — Куды, Иды, Осы, Иркуты, Китоя, Унги), эхириты (верховья Куды, Мурина, Лены, долина Манзурки), сэгэнуты (верховья Лены, течение Ангары ниже впадения в нее Унги, частично — долина Илима). К этому же времени относится миграция из Внутренней Монголии на о. Ольхон и в приольхонские степи хоринцев, ставших четвертой крупной монголоязычной этнической группой региона [11, с. 33]. Булагаты и сэгэнуты активно продвигались на запад и северо-запад, обращая местное тунгусское население в своих «кыштымов» (данников). В начале XVII в. как отдельные племена упоминаются также группы, отделившиеся от ранее перечисленных племенных союзов — икинаты (среднее течение Ангары), ашибагаты (течение Оки); шарануты (течение Алари) и др. [11, с. 34]. Особняком стояли хонгодоры, пришедшие в Прибайкалье с юга в конце XVII в. и заселившие Аларские степи и Тункинскую долину. Ве-

роятно, у различных этнических групп, составивших в итоге бурятский народ, существовали и различные сочетания способов природопользования. Попытка идентифицировать даже только западных бурят с носителями какого-либо одного типа хозяйства заранее обречена на неудачу. Поэтому остановимся лишь на тех группах, которых традиция считает основой бурятского народа.

Если приход хоринцев и хонгодоров из монгольских степей зафиксирован в конце XVI–XVII вв., то булагаты, эхириты и сэгэнуты традиционно считаются потомками монголоязычных «лесных» племен, живших здесь уже во времена Чингис-хана. Если это так, то они должны были быть соседями и современниками носителей усть-талькинской культуры, которые считаются тюркоязычными. Согласно другому мнению, предки бурят жили первоначально в Забайкалье, а в Предбайкалье проникли после распада Монгольского каганата в XV–XVI вв. [18, с. 145].

В хозяйственном отношении традиция называет все бурятские племенные союзы XVII в. скотоводческими. Однако скотоводство западных бурят было полуседлого типа, с регулярными кочевками между «зимниками» и «летниками». Кроме того, часть бурятских групп занималась регулярным земледелием, а сами «братские люди» в первых донесениях русских землепроходцев названы «пашенными людьми». В этих условиях наличие развитого скотоводства у ранних бурят, которых застали русские в середине XVII в. в Прибайкалье, могло быть связано с хозяйственной традицией, привнесенной из центрально-азиатских степей (в этом случае переход их к земледелию и полuosедлому быту связан с влиянием добурятского автохтонного населения и обусловлен природными факторами, рассмотренными выше). «Многие из сих Буреттов, по причине разных препятствий в скотоводстве от суровости климата и местоположений совокупили оное с

земледелием», — пишет И. Г. Георги, исследовавший сибирские народы в 1770-е гг. [2]. Либо, как считал А. П. Окладников, появление кочевого скотоводства у западных бурят было связано с трансформацией изначально «синтетического» земледельческо-скотоводческого хозяйства путем выделения кочевого скотоводства в отдельный хозяйственный тип [14, с. 291–292]. При кажущемся противоречии этих точек зрения они схожи в том, что земледелие как способ природопользования привязано к месту, а не к этносу. А. П. Окладников считал бурят преемниками курыкан в хозяйственном отношении, но ни в генетическом. И в том, и в другом случаях получается, что буряты Предбайкалья занимались земледелием именно потому, что жили в Предбайкалье, с его географическими условиями и древней земледельческой традицией. Соответственно, говорить об этническом характере западно-бурятского земледелия не приходится.

«Второе пришествие» земледелия в среду западных бурят в XVIII–XIX вв. принято связывать с хозяйственным влиянием русского населения, этот тезис принят большинством исследователей и подтверждается многочисленными примерами перехода бурятских скотоводов и охотников к земледелию, а бурятских хлебопашцев — к интенсификации земледелия после контактов с русскими. Однако следует отметить и влияние иных земледельческих этнических групп на группы предков бурят. До сих пор слабо исследованы, хотя и критикуемые известным востоковедом Е. М. Залкиндом, но все же возможно имевшие место связи бурятского земледелия с земледелием монгольским, испытавшим, в свою очередь, влияние китайской традиции. Хотя между очагами бурятского и монгольского земледелия лежала территория нынешней Бурятии, где хлеб почти не сеяли, не будем забывать, что хоринцы пришли в Прибайкалье из Внутренней Монголии — ближайшей к Ки-

таю. И именно хоринцы позднее, в XVIII–XIX вв. выступали пионерами земледелия в Забайкалье. Напомним и о старинном центре земледелия в Унгинском поселении, просуществовавшем до XIV в., население которого, как считается, среднеазиатского происхождения, могло передать пришельцам-бурятам навыки хлебопашества. Именно унгинские буряты называются русскими первопроходцами в числе сеющих просо. И именно у унгинских (балаганских) бурят к концу XIX в. площадь запашки на мужскую душу будет превышать не только среднюю величину по бурятским ведомствам, но и среднюю по русским волостям — 5,5 десятин [9, прил. IV, с. 43].

Русское население также испытывало влияние со стороны бурятского хозяйства. Например, русские заимствовали у бурят практику орошения покосов, которая была известна в Прибайкалье со времен курумчинской культуры. Но в целом именно земледелие русского типа вытеснило кочевое скотоводство бурят в Иркутской губернии, а не наоборот, несмотря на не очень удобные природно-географические условия. И связано это было не только (и не столько) с политикой государства, которое, как отмечалось, лишь с начала XIX столетия стало предпринимать системные шаги по распространению среди бурят земледелия, а с тем, что плужное хлебопашество в варианте, привнесенном русскими (залежная и двупольная, позднее — трехпольная системы севооборота) вкупе с использованием мельниц предоставляли больше преимуществ, чем кочевое скотоводство или примитивное абыльное земледелие местного происхождения.

В результате в XIX в. хозяйство бурят постепенно из скотоводческо-земледельческого превращается в земледельческое (при сохранении комплексного характера в отдельных территориальных группах). В 1819 г. из «инородцев» Иркутского уезда (где проживало большинство западных бурят) занимались только

скотоводством 1552 (4,1 %), скотоводством и звероловством 2135 (5,6 %), только звероловством 3 524 (9,3 %), земледелием, скотоводством и звероловством 2 105 (5,6 %), земледелием и скотоводством 9 419 (24,9 %), только земледелием – 19 114 человек (50,5 %)¹. В 1851 г. генерал-губернатор Восточной Сибири отмечал, что идинцы, аларцы и балаганцы – «первые ученики Трескина» – превзошли по успехам хлебопашества даже русские лучшие волости, что начинают переходить к хлебопашеству кудинцы, капсальцы, ленские и верхоленские буряты, а «иностранцы» в целом начинают из-за падежа скота и по настоянию властей привыкать к тому, чтобы создавать запасы кормов на зиму². С 1867 по 1887 г. посевы иркутских бурят увеличились на 42,5 % [6, с. 88].

К концу XIX столетия изменения бурятского хозяйства позволяют говорить о свершившейся трансформации. По данным местной подворной переписи 1887–1889 гг., предпринятой в интересах исследования сельских районов губернии в преддверии грядущей реформы, в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском округах площадь пашни по отношению ко всей «удобной» земле среди русских волостей варьировалась от 8,0 до 37,9 %, среди бурятских ведомств – от 2,8 до 30,8 % [9, с. 39]. В Верхоленском округе среди инородческих ведомств этот показатель колебался в пределах 4,7 – 31,5 % при среднем значении 15,2 % в волостях [10, с. 67]. Конечно, в силу разнообразия природно-географических условий региона, и в конце XIX в. в губернии были районы с преобладающим скотоводческим населением (например, Тункинская долина). Но существовали и инородческие ведомства исключительно земледельческие. Так, в Боханском и Укырском ведомствах Балаганского округа, где «почти все

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 265. Л. 123.

² Там же. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 138. Л. 43об., 59об.

население занято земледелием»¹, площадь пашни составляла 7,5 и 9,5 десятин на приписную душу соответственно (последнее значение — наибольшее в губернии). В трех ведомствах из четырех Иркутского округа этот показатель превосходил среднюю величину по крестьянским волостям того же округа. В состав пашни входят как запашка («мягкая пашня»), непосредственно обрабатываемая, так и залежи. Площадь запашки в ведомствах в целом по губернии была даже выше, чем в волостях. По данным переписи 1897 г., 21 491 из 24 377 самостоятельных хозяев-бурят (98 786 человек с членами семей из 108 867), или 88 % (91 % населения), основным своим занятием назвали земледелие, и лишь 6 449 человек (около 6 % населения) считали себя скотоводами [16, с. 115].

Вслед за изменением хозяйства изменяется и образ жизни западных бурят. Например, в Нельхайском ведомстве Балаганского уезда к 1900 г. из 30 улусов 13 перестали кочевать и 7 продолжали делать это время от времени². Количество скота у бурят, довольно значительное в сравнении с русским населением, но недостаточное с точки зрения кочевника, живущего скотоводством, не может являться свидетельством преобладания скотоводства над земледелием. Причина этого феномена состоит в недостатке покосов, имеющих в Иркутской губернии особую ценность. Об этом говорит тот факт, что условия аренды покосов пересматривались ежегодно, тогда как аренда пашни была, как правило, долгосрочной. Регулярное сенокосение, сравнительно небольшое для «номадного» хозяйства количество скота и постепенный отказ от кочевок роднит бурятское скотоводство с животноводством русских крестьян.

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 378. Л. 7.

² Там же. Д. 7. Л. 24.

Таким образом, к концу XIX в. бурятское хозяйство Иркутской губернии было земледельческим, но, вместе с тем, оно обладало специфическими чертами. Черты эти, связанные главным образом со значительной ролью скотоводства в некоторых районах, являются не столько «пережитками» традиционного хозяйства, приписываемого кочевникам, сколько оптимальными в данных географических и социальных условиях формами хозяйственной деятельности.

Итак, подведем итоги. Природа Предбайкалья предопределяет в условиях неразвитости земледельческого производства (примитивные орудия труда и системы севооборота) комплексный характер хозяйства (земледелие-охота-скотоводство). На этом историческом этапе основными факторами выступают природно-географические условия, этнические хозяйственные традиции предков бурят и государственная политика не играют определяющей роли. Переход к интенсивному земледелию в регионе в XVIII–XIX вв. связан с внешними факторами — влиянием русской земледельческой традиции и политикой развитого в бюрократическом отношении государства, которые нивелируют факторы внутренние — природно-географические условия и этническую хозяйственную традицию. При этом, в силу изначально комплексного характера хозяйства западных бурят, вряд ли следует констатировать ликвидацию старого и формирование нового способов природопользования. Бурятское хозяйство никогда не было хозяйством кочевых скотоводов, сам бурятский народ, а следовательно, и «бурятское» хозяйство, сформировались в условиях распространения земледелия (возможно, кочевыми скотоводами в чистом виде были лишь пришедшие в Предбайкалье позднее других хонгодоры и хоринцы). Скорее, можно говорить о трансформации структуры традиционного хозяйства: земледелие из вспомогательного способа природопользования превращается в основной.

Список использованной литературы

1. Винокуров М. А. Экономика Иркутской области: в 2 т. Т. 1 / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов. — Иркутск: Изд-во ИГЭА: Изд-во ОАО «Облмашининформ», 1998. — 276 с.
2. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповедании и других достопамятностей : в 4 ч. — Ч. 4 : О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах с описанием всех именованных козаков, так же История о Малой России и купно о Курландии и Литве. — СПб., 1799 [Электронный ресурс] / И. Г. Георги // Руниверс. — URL: http://www.runivers.ru/upload/iblock/4cd/Georgi_opisanie%20vsex%20obitayushix_4%20kniga.pdf.
3. Гранина Н. И. Функционирование почв Южного Предбайкалья в условиях антропогенеза / Н. И. Гранина, А. А. Козлова, Н. В. Васькович // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. — 2006. — № 2. — С. 22-28.
4. Зандараев Б. Б. Дореволюционная историография земледелия бурят / Б. Б. Зандараев // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — № 7. — С. 118-123.
5. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. — Т. 1 : Древняя Сибирь. — Л. : Наука, 1968. — 454 с.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. — Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма. — Л. : Наука, 1968. — 530 с.
7. Козьмин Н. Н. Хозяйство и народность. (Производственный фактор в этнических процессах) (1928) / Н. Н. Козьмин ; публ. и прим. А. М. Курьшова // Историко-экономические исследования. — 2013. — Т. 14, № 1-2. — 118-147.
8. Маншеев Д. М. Земледелие аларских бурят в XIX веке / Д. М. Маншеев // Историко-экономические исследования. — 2011. — Т. 12. — № 1. — С. 17-29.
9. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — Т. 2. — Вып. 3. — Москва, 1890. — 295 с.
10. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — Т. 2. — Вып. 6. — Иркутск, 1892. — 508 с.

11. Нанзатов Б. З. Расселение бурят и их соседей в конце XVI – первой половине XVII вв. / Б. З. Нанзатов // Вестник БНЦ СО РАН. – 2011. – № 2. – С. 32–37.

12. Напрасников А. Т. Агросистемы Евразии: опыт географической оценки фрактальных состояний и преобразований / А. Т. Напрасников // География и природные ресурсы. – 2008. – № 1. – С. 175–184.

13. Николаев В. С. Кочевники юга Средней Сибири в XII–XIV вв. / В. С. Николаев // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4. – Т. 2. – С. 136–146.

14. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) / А. П. Окладников. – Л. : ОГИЗ, 1937. – 428 с.

15. Отчет о научно-исследовательской работе «Создание новых высокоурожайных сортообразцов и сортов зерновых культур, устойчивых к неблагоприятным условиям внешней среды для возделывания в Иркутской области» [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства Иркутской области. – URL: http://society.irkobl.ru/sites/agroline/Deyatelnost_ministerstva/Otchet_ministerstva/otcht1.pdf.

16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. 75 : Иркутская губерния. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1904. – 171 с.

17. Почвы Сибири [Электронный ресурс] // Биофайл. Научно-информационный журнал. – URL: <http://biofile.ru/geo/7342.html>.

18. Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк / В. А. Рязановский. – Харбин, 1931. – 306 с. + 42 (прил.)

19. Савинов Д. Г. Взаимодействие кочевых обществ и оседлых цивилизаций в эпоху раннего средневековья / Д. Г. Савинов // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата : Наука, 1989. – С. 305–313.

Информация об авторе

Курышов Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: akm77@yandex.ru.

Author

Kuryshov, Andrey Mikhailovich – PhD in History, Associate Professor, Department of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664003, e-mail: akm77@yandex.ru.

Библиографическое описание статьи

Курышов А. М. Культура земледелия у западных бурят: факторы распространения и их значимость / А. М. Курышов // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 3. — С. 567–584.

Reference to article

Kuryshov A. M. Western Buryats' farming culture: factors of dissemination and their significance. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2014, vol. 15, no. 3, pp. 567–584.